

Такое дело либо-либо...
Здесь ни подлогов, ни подмен...
И вряд ли скажут мне спасибо
За мой редакторский рентген.

Борюсь с карандашом в руке.
Пусть чья-то речь в живом движенье
Вдруг зазвучит без искаженья
На чужеродном языке.

Мария Петровых. Предназначение.

Редакторское кресло — это такое возвышение,
с которого должно быть видно и неперенное,
непримиримое, напористое и наглое окружение,
и стоящих поодаль,
не стремящихся смешаться с приближёнными,—
их природная обособленность указывает
на талант редкий, зрелый и более глубокий.

Из рецензии

Будем призывать нашу память,
ибо помнить о прошлом больше некому.

Дмитрий Лихачев

В детстве я мечтал стать лётчиком, как большинство мальчишек. Мы делали авиамодели самолётов и планеров, соревновались в умении и смекалке. Летом ходили небольшими ватажками на рыбалку, на Ангару, на Белую, на озёра на Красном острове, на тельминский и мальтинский пруды. Это не было забавой или пустым времяпрепровождением, наш улов был ощутимым довеском к скудному столу и помощью родителям. Купались в ледяной Ангаре с мая до ноября, не боясь ни простуды, ни родителей, выходили на первый лёд в затоне на коньках «снегогурках», прикрученных к валенкам при помощи веревок и сделанных из дерева палочек-рычажков, проваливаясь в разъезженные мелководные ямы.

Сбивались в дворовые футбольные и хоккейные команды, устраивали соревнования, не только в городских, но и в сельских пригородных районах, расчища-

ли заброшенные пустыри под футбольные поля, находили бесхозные жерди для сооружения ворот. В начале зимы заливали во дворах ледовые площадки, делали самодельные клюшки. Не помню, не замечал никакого взрослого участия или руководства, нам доставало нашей самостоятельности и смекалки. Мастерили рогатки и «поджиги» — примитивные огнестрельные пистолеты, запускали «ракеты» — консервные банки при помощи взрыва карбида, его тайком таскали со стройки рядом с нашим домом. Собирали примитивные радиостанции, обмениваясь радиодетальями и схемами, найденными в журнале «Радио» ранней поры радиолюбительства; средневолновый вещательный диапазон с утра до вечера был переполнен нашими голосами и музыкой, которую мы крутили на радиолах, и никакая инспекция радиосвязи не вылавливала нас, хотя радиотехнические средства позволяли это сделать, видимо, было понимание того, что это лучше, чем болтаться по улицам в поисках приключений. Детская самоорганизация в Советском Союзе была деятельной и полезной.

Я увлёкся радиотехникой, с Володькой Беловым — он учился годом старше и жил в соседней пятиэтажке — вечерами, а иногда засиживаясь за полночь, мы собирали различные приборы, осваивали появившиеся в ту пору транзисторы, делали карманные радиоприёмники, радиопередатчики и другие электронные самоделки. Я подумывал о поступлении в Новосибирский электротехнический институт, там была кафедра радиотехники.

Занятия фотографией были в моде. Мы с Володькой печатали «фотки» по ночам, устраивались в ванной комнате, чтобы никому не мешать, восторгаясь волшебством появления изображений на белой бумаге в растворе проявителя при марсианском свечении красной лампочки. Ещё я ходил на «изо», так мы называли кружок изобразительного искусства в Доме культуры. Примерно в то же время начал писать стихи, что казалось мне таким же естественным занятием, как и все остальные. Я не ведал, что именно это и определит в дальнейшем мою судьбу.

Мне интересно жить на белом свете. Всякое новое увлечение я стремился освоить, пусть не в совершенстве, но как можно лучше. Так было с плотницким делом, к которому я приобщился в «дикой бригаде» под приглядом моего старшего брата Георгия. А пришло время, срубил баню и надстроил дом в Култуке; так было с резьбой по дереву, начал заниматься в юности и не оставил по сию пору. И редакторством я занимался увлечённо, с интересом, перенимал опыт центральных журналов, учился на чужих ошибках, но это не мешало мне видеть свои недостатки и избавляться от них.

«Я пошёл, меня позвали...»

Я никогда не мечтал и не думал стать главным редактором журнала.

Вернувшись в Иркутск из армии, я приобщился к журналистике, писал стихи, тёрся в литературных кругах, — «волна счастливая несла», — знакомился с писателями, но не строил никаких планов относительно литературного поприща. Летом в пионерлагере работал физоргом, плотничал, был слесарем, электриком, инспектором в Горгазе, редактором литературных передач на Иркутском областном радио, сотрудником сельхозотдела в газете «Ангарские огни»; заочно учился на филфаке госуниверситета. Когда меня выбрали главным редактором альманаха «Сибирь», я ещё некоторое время работал кочегаром в небольшой котельной в Глазково, на улице Профсоюзной, она отапливала районную санэпидстанцию. В

то время многие «свободные художники» подрабатывали сторожами, кочегарами, дворниками. Я заступал на суточное дежурство через трое суток, зарплата была небольшой, около ста рублей, плюс нечастые гонорары за рецензии и публикации в газетах, за выступления, как говорили, «по линии» Бюро пропаганды художественной литературы, времени хватало заниматься журналом.

До меня главным редактором «Сибири» был Ростислав Филиппов. Объем журнала в те годы был небольшим, в два раза меньше, чем сегодня, редакционный портфель заполнялся плотно, в первую очередь публиковались более достойные в смысле качества произведения. Очереди на публикацию иногда ждали не один год, но чаще всего это касалось проходных материалов. Не помню, чтоб кто-то особо роптал по этому поводу, это было принято за норму, хозяйство в стране было плановое, да никто собственно и не поднимал вопрос об увеличении объёма. Публиковалась только текущая литература, перепечатки исключались.

Никем не утверждённая, но устоявшаяся норма определяла очерёдность публикаций: районная газета, областная, альманах или журнал, коллективный сборник, книга. Далее могло быть только переиздание. После книги публиковаться в периодике считалось дурным тоном.

Нынешняя журнальная вольница отменила все правила.

* * *

«Сибирь» называли альманахом, на титульном листе обозначался официальный статус: *Литературно-художественный и общественно-политический двухмесячник. Орган Иркутской и Читинской писательских организаций РСФСР.* В редколлегии указывались и читинцы, но, учитывая расстояние между городами и отсутствие компьютерных технологий, их участие было минимальным. Организация в Чите насчитывала несколько человек, но их произведения появлялись в альманахе регулярно. Когда я пришёл в альманах, в редколлегии были Михаил Вишняков и Евгений Куренной.

В каждой области был свой региональный литературный журнал или альманах. Лучших провинциальных авторов публиковали центральные московские журналы «Наш современник», «Москва», «Новый мир», «Звезда», «Молодая гвардия» и другие. Появление в этих изданиях считалось всероссийским признаком писателя.

* * *

У нас в стране сложились ежемесячные выпуски «толстых» журналов, реже и не регулярно выходящие издания причислялись к альманахам. К тому же в журнале должны быть постоянные рубрики критики и публицистики, прозы и поэзии. Большинство периодических изданий, сегодня называемых журналами, по сути, являются альманахами. Острые полемические статьи почти исчезли из провинциальных изданий, в критических статьях преобладают комплиментарность и информативность.

* * *

«Главный редактор альманаха» на самом деле был редактором-составителем. Работавшие над изданием литературный, художественный, технический редакто-

ры, корректор подчинялись главному редактору и директору Восточно-Сибирского книжного издательства, а я только подготавливал очередной номер, собирал, читал, вносил, если считал нужным, правку, сдавал рукопись в издательство и в дальнейшем процессе не участвовал, если не возникало вопросов у издательского редактора. А вопросы, уточнения и согласования бывали часто, над номером работали основательно, как и над книгами. В писательской организации я участвовал в работе ТОМа («Творческого объединения молодых»), бывал в поездках с выступлениями в различных аудиториях, мне поручали читать рукописи, поступающие в СП на рецензирование. Несколько лет руководил Литературным объединением при обкоме комсомола. Мне всегда было любопытно творчество ровесников и вообще всё, что создавалось в литературе.

Я помогал и начинающим поэтам. Борис Архипкин показал мне свою тетрадь, в которую он записывал стихи, я отобрал наиболее интересные и отдал в издательство, мне виделось, что это может заинтересовать редакторов серии «Бригада» или при составлении коллективного сборника молодых. В 1984 году вышла его первая книжка (Стихотворения на льду: Стихи. — Иркутск: Вост.-Сиб. кн. изд-во, 1984. — 16 с. — 3000 экз.).

Со стихами Тани Суровцевой меня познакомил Иван Козлов, показал мне её общую тетрадь, заполненную стихами размашистым неровным почерком. Как-то вечером с Михаилом Лемпертом написали предисловие к стихам Татьяны и передали в «Советскую молодёжь». Там в литературном приложении «Привал» впервые для читателя открылось творчество Татьяны Суровцевой.

У большинства, с кем меня свела жизнь, любовь к литературе была главным в жизни после профессии или работы ради хлеба насущного. Дом литераторов действительно стал нашим родным домом. Здесь мы встречали праздники, отмечали дни рождения и другие события, для детей устраивали Новогодние праздники с ёлкой, Дедом Морозом и Снегурочкой, раз в неделю в нижнем зале проходили просмотры наиболее интересных фильмов с обсуждением. В кинотеатрах «Хроника» и «Художественный» шли закрытые просмотры картин, не выпускавшихся в широкий прокат, это не были запрещённые фильмы, но те, которые не находили отклика у широкого кинозрителя. Интеллигенцию держали в курсе культурных событий в стране. Но иногда показывали и зарубежные картины. Посещение выставок иркутских художников и премьер спектаклей считалось правилом хорошего тона и необходимостью. Так же как дружеские встречи в мастерских художников и в баре Союза театральных деятелей.

Следы общинного духа оставались в нашей организации до конца минувшего века. Я бывал в домах большинства иркутских писателей, и у меня перебивали многие. Мы сажали картошку на одном поле, покупали дачи по принципу соседства и приязни, ходили в тайгу за орехами, ягодами и грибами. Невозможно представить, чтобы нынешнее поколение иркутских литераторов стремилось к единению — они встречаются только на общем собрании, не зная друг друга, они, мне кажется, не интересны друг другу, у них нет общности, остающейся в нас, несмотря на споры наши и раздоры. Они даже не читают друг друга. Мы оказались в другом измерении, в другой жизни, в другой стране.

* * *

В 1979 году меня приняли в Союз писателей СССР. Через два года получил квартиру в микрорайоне Байкальский, трёхкомнатную с отдельными комнатами,

с большой прихожей и кухней, с лоджией во всю длину квартиры, плюс к норме на каждого члена семьи двадцать квадратных метров, полагающиеся творческому работнику под кабинет. Росли дочь Светлана и сын Сашка. Жизнь улыбалась во всю ширину своих сияющих зубов.

В 1985 году на общем собрании писатели критиковали главного редактора «Сибири» Ростислава Владимировича Филиппова и за низкий уровень альманаха, и за публикации вне очереди своих друзей, и так далее, что, впрочем, и всегда звучало и звучит в адрес редакторов. Замечу, что объём альманаха в то время был небольшим, ждать публикации приходилось иногда не один год, поэтому «внеочередные» публикации воспринимались болезненно. Поручили правлению предложить кандидатуру к следующему собранию.

Ответственным секретарём писательской организации был Анатолий Михайлович Шастин, а его заместителем Борис Фёдорович Лапин, он-то первым и заговорил со мной. В Союзе писателей я бывал часто, зашёл к нему в кабинет поздороваться.

— Большинство членов правления считает, что надо тебе возглавить альманах. Лучшей кандидатуры мы не видим. Ты молодой перспективный поэт, разбираешься в литературе. Подумай. На первом этапе члены редколлегии тебе помогут. Сориентируешься.

— Спасибо, конечно. Не знаю, не ожидал, надо подумать.

— Думай, но недолго.

Предложение тешило моё самолюбие, но не было явного желания — я не знал этой работы, нигде этому не учился. Работал в газете, на радио, работал с текстами, но это журналистика, а здесь — писатели, другой уровень, другой спрос. Жена встретила новость настороженно. Я промышлял случайными заработками: публикации в газетах, редкие — в журналах, выступления тоже не были регулярными, на еду и одежду хватало, а о большем не думалось. Возникла надежда на стабильность. Но был вопрос и более сложный: я ходил в церковь, принимал участие в жизни общины, а руководитель газеты или журнала, как, впрочем, и колхоза и завода в СССР должен быть членом КПСС. Печать называлась партийной, а я был беспартийным, и убеждения мои были христианскими. Я сказал об этом Шастину.

— А что, долго ли вступить, мы дадим тебе рекомендации.

— Дело не в рекомендациях, а в убеждениях. Я хожу в церковь, мне надо посоветоваться с духовным наставником.

Я уже готов был согласиться и ждал воскресенья, чтобы после службы поговорить с моим духовником, отцом Каллиником. Он выслушал меня, продолжительное молчал, размышляя.

— Делай, как считаешь необходимым, что — партия, ты же не убеждения меняешь, если готов на компромисс, вступай. Придёт время и всё это потеряет значение, всё разрешится само собой.

Прошло всего несколько лет, и КПСС прекратила своё существование. Я до сих пор удивляюсь провидению отца Каллиника. Впрочем, никакая искусственная идеология не может быть незыблемой, примеров в истории и современности множество.

После развала страны, по поговорке: мертвого льва даже мыши едят, журналисты любят ругать прежние времена с тем же рвением, с которым поддерживали и одобряли решения партии, цитировали пустые лозунги и бессмысленные призывы генеральных секретарей в своих статьях на любую тему.

Иногда можно услышать в СМИ расхожий вопрос: кто мог подумать, кто мог предположить, что СССР рухнет в одночасье?

Великий русский мыслитель Иван Александрович Ильин в 1948 году, в изгнании, в Швейцарии, — когда Советский Союз после победоносной войны стоял как никогда прочно, когда народ, окрылённый победой, восстанавливал разрушенное хозяйство и со светлой надеждой смотрел в будущее, — писал в «Наших задачах», манифесте русских националистов, о неизбежном крушении коммунистического режима и о том, что нужно делать, чтобы к власти пришли не прозападные политики, а русские национальные лидеры. В реальности воплотился худший из возможных вариантов.

Распутин в «Сибири»

Когда бюро писательской организации утверждало предложенную мною редколлегию, Валентин Распутин, сославшись на занятость, попросил освободить его. Поуговаривали и согласились. На следующий день я зашел в Восточно-Сибирское книжное издательство. Встретил Распутина и спросил его прямо: он действительно занят, что не остаётся времени на альманах, или это связано с моей кандидатурой? Если он против меня, то я не буду работать. Он уверил, что действительно поднакопилось всяких дел, что не отказывается совсем, готов помогать. Я допускаю, что у него были какие-то иные соображения, но он о них умолчал. Он был человеком строгим и обстоятельным, видимо, не очень-то представлял меня во главе журнала. Но в дальнейшем никогда, если я просил его прочесть какую-то спорную вещь, не отказывал и всегда давал конкретные и мудрые советы. И только спустя годы, когда мы сблизились, он вошёл в редколлегию и до конца дней своих всячески помогал и поддерживал меня и заботился о журнале.

Когда рушился Советский Союз, Валентин Распутин говорил, что писательский Союз долго не продержится, и оказался прав: того Союза писателей, который был при Распутине, никогда не будет. То, что происходит сейчас, это медленное угасание, и нет даже слабых потуг противостоять, все уже свыклись с положением вещей, и каждый по отдельности занят своими заботами.

В начале творческого пути, в шестидесятые годы, в «Ангаре» Распутиным опубликованы рассказы «Старая охотница», «Человек с этого света», «В общем вагоне», «Там, на краю оврага», «Я забыл спросить у Алёшки» (в позднейших публикациях имя изменено на Лёшку) и повесть «Деньги для Марии» (1967. № 4). Он всю жизнь был верен «Нашему современнику» и впервые публиковал там свои главные произведения. И всё же в «Сибири» состоялось несколько первых публикаций рассказов и в моё время: «В непогоду», «Новая профессия», «Под небом ночным» и повести «Дочь Ивана, мать Ивана». Иногда он присылал рукописи по почте, повесть сам принёс в редакцию, жил в Иркутске. Причём не всю, а примерно половину, и мне об этом не сказал. Положил на стол машинописный экземпляр: — Написал повесть. Посмотри.

Привычно немногословный, недолго посидел, выпил чашку чая. Не говорил, о чём повесть, а я не стал уточнять, зачем? Некоторые писатели представляют и в лицах, и в деталях рекомендуемую вещь.

Я сразу же прочёл, повесть произвела странное впечатление: твёрдая распутинская рука, но не было логической завершенности, сюжет заканчивался неожи-

данно, оставалось недоумение. Я хотел сказать об этом при встрече, но вопросы отпали, когда Валентин Григорьевич принёс вторую часть. В «Сибири» № 4 за 2003 год повесть была опубликована.

«Передовая» часть интеллигенции бросала Распутину упрёк, что он не пишет художественных произведений, а занимается публицистикой, что он исписался, что они ждут его новых рассказов и повестей и т.д. Эти лукавые «доброхоты» понимали силу распутинского слова, понимали его влияние на общественное сознание. Я думаю, что он один в утверждении русских патриотических идеалов сделал больше, чем многие и многие другие писатели этого направления.

Уточняя даты публикаций, я стал справляться по биобиблиографическому указателю Распутина. Мне вдруг открылась широта диапазона Распутина-проповедника, Распутина, в годы суровых испытаний оставшегося с народом, и не могло у него быть иного пути, кроме служения отечеству во имя спасения. Сегодня об этом говорится, но до конца не осознаны поистине богатырская мощь и масштаб его публицистики. Его статьи и очерки, представленные в книгах и толстых журналах, немногие интервью известны читателю, но огромный массив интервью и бесед, опубликованный в районных, областных и всесоюзных газетах, остаётся в архивах под спудом. А если учесть, что часто Валентин Распутин отвечал на вопросы письменно, понимая разницу между звучащим и печатным словом, то многое из этого наследия может быть приравнено к литературному труду. Многие из сказанного Распутиным остаётся актуальным и сегодня.

В «Сибири» с 1986 по 2012 год напечатаны очерки, статьи, беседы: «Предисловие к рассказам Инны Фруг», 1986, № 5; «Слово о патриотизме», 1988, № 6; «Громкое имя — Сибирь», 1998, № 1; «У нас Поле Куликово, у них «Поле чудес», 1998, № 2; «На круги своя», 1998, № 3; «В тех глубинах по ходу жизни», 2001, № 3; «Из осколков в живое и целое», 2001, № 6; «Последние страницы Евгения Носова», 2002, № 6; «Как это бывает», 2003, № 4; «Тридцать лет спустя» (о публицистике А. Солженицына), 2004, № 1; «На Афоне», 2005, № 1; «Шлемоносцы», 2005, № 2; «Кругобайкалка», 2005, № 6; «Транссиб», 2005, № 3; «Полная чаша злата и лиха», «Открытое письмо президенту Путину», 2006, № 2; «Ученье: свет и тьма», 2007, № 1; Выступление на X Всемирном русском народном соборе, 2007, № 1; «Мой манифест», «Что дальше, братья славяне?», 2007, № 5; «Господин Слава» (воспоминания о Р. В. Филиппове), 2010, № 4.

Я не стремился отыскать все публикации, их очевидно больше, но нет другого журнала в России в эти годы, в котором был опубликован такой объём распутинской публицистики.

Бурное море

Пришло время расставаться с издательским попечением. Главным редактором стал Юрий Багаев, человек новый, время было смутное, будущее неопределенно, и каждый грядущий день неизвестно что готовил, начались разногласия по рекомендуемым мною публикациям. Цензуру ещё не отменили, непонятно было, чем пахнет ветер перемен, главные редакторы становились сами себе цензорами, по принципу: как бы чего не вышло. Впрочем, в интервью Юрий Самсонов (оно цитируется дальше) вспоминает шестидесятые годы так: «Я увидел, что издательские работники умеют валить на цензуру то, чего она ещё в глаза не видела, аван-

сом», т. е. перестраховывались. А это было задолго до перестройки. Да и само Восточно-Сибирское книжное издательство стояло на распутье, и как оказалось, выбора не было, путь был один — к закрытию. Так складывалась судьба большинства успешных и прибыльных предприятий.

Я начал публиковать православных философов, лидеров Белого движения, русскую эмигрантскую литературу, появлялись авторы, на которых был наложен запрет коммунистической властью. К нам возвращались имена Сергея Нилуса, о. Сергия Булгакова и о. Павла Флоренского, Бердяева и Розанова, адмирала Колчака и атамана Семёнова, Ивана Ильина и Ивана Шмелёва и многих, многих других, и это, естественно, не всем нравилось.

На обсуждении очередных номеров возникали разногласия. Я понимал, что моя позиция несовместима с позицией главного редактора издательства. Да и само русское направление журнала было вызывающим и многим враждебно. Произошло политическое расслоение общества. Одной из первых книг, изданных Восточно-Сибирским книжным издательством в 1991 году, после того как КПСС перестала вмешиваться в издательский процесс, стали мемуары Л.Д. Троцкого «Моя жизнь», после чего некоторые шутники называли Иркутск «троцкистским городом».

На правлении писательской организации было принято решение о создании редакции самостоятельного журнала.

Начинать, по сути, новый журнал в то время было безумием, но безумству храбрых — знал наизусть каждый советский школьник со слов Максима Горького — поются песни.

Дешевая бумага

Работой с типографией на первом самостоятельном этапе занимался Сергей Иванович Переносенко, мой давний товарищ, должностного разграничения не было, и я вникал во все возникающие обстоятельства.

Советская система рушилась, возникали бесчисленные МП, ТОО, ООО. Государство освобождалось от всего, что мешало ему двигаться в светлое будущее капитализма, и в первую очередь от культуры, от литературы, от искусства. И я вынужден был отправиться без руля и без ветрил в океан неизвестности.

Типографская бумага была в большом дефиците, цены на неё росли быстрее, чем курс доллара. Сергей Иванович на каком-то складе обнаружил с десяток рулонов офсетной бумаги. Цена была бросовой, как показалось, и он предложил купить всю, оптом, часть продать, а на остатках можно какое-то время печатать журнал, книги, и немного заработать. Нужно было найти 150 тыс. рублей, не помню уже, большие ли это были до деноминации деньги, но для нас нереальные, единственный богатый человек в нашем окружении, сочувствовавший писателям, был Виктор Владимирович Бронштейн, двоюродный брат и друг Геннадия Гайды.

Встретились у меня дома, Виктор подробно и со вниманием расспросил, что и как мы собираемся делать, и назавтра в кассе «Сибатома» я получил наличную сумму.

Действовать надо было быстро, пока бумага не уплыла. Доверившись Сергею Ивановичу, я не вникал в детали, нашли грузовик, договорились о складе с Николаем Афанасьевичем Парамоновым, директором типографии аэрогеодези-

ческого предприятия, где в то время печатался журнал. На другой день наняли грузовик, сами грузили, сами разгружали, перевезли на хранение. Когда я стал разбираться с накладными, оказалось, что там указаны квадратные метры бумаги, а не килограммы. На такой дорогой бумаге без убытка можно было печатать разве что деньги. Обратного хода не было. Человек, через которого решался вопрос, испарился. Все планы рухнули, деньги истрачены, прибыли ждать не приходится, долг придётся возвращать. Виктор Владимирович долго и терпеливо ждал и только один раз позвонил, мягко поинтересовался, как дела в журнале. Деньги обесценивались, и, когда я вернул взятую сумму, на неё можно было купить разве что китайский велосипед.

* * *

После ухода из Восточно-Сибирского книжного издательства я был в постоянном поиске денег на зарплату сотрудникам, на оплату налогов и печать журнала, приходилось искать типографию с приемлемыми ценами. Перестройка шла судорожно, нервными рывками. Не успеешь с бесконечными доделками и переделками оформить МП (Малое предприятие), эта форма собственности отменяется, и надо собирать новые документы на ТОО (Товарищество с ограниченной ответственностью). Сдашь годовой отчёт, а мудрецы кремлёвские уже ООО придумали. С избранием губернатором Юрия Абрамовича Ножикова (1991–1997) даже редкое случайное государственное финансирование прекратилось вовсе. За последнюю перечисленную сумму, 100 тысяч рублей, которых едва хватило на выпуск одного номера, потребовали какой-то немыслимый отчёт, хотя мы уже отчитались в налоговой службе за каждую приобретённую скрепку, карандаш, пачку бумаги, шариковую авторучку... Налоговая инспекция представляла собой склад макулатуры, от пола до потолка заваленный бумажными отчётами. Форм отчёта было столько, что каждые три месяца мы переводили на них килограммы бумаги. Руководители и бухгалтера часами отсиживали очереди в коридорах. У инспекторов хватало времени только бегло просматривать документы, и вряд ли они потом возвращались к ним, поток отчитывающихся увеличивался. Бессмысленность и никчёмность ощущалась в этой бумажной лихорадке.

Меня с бухгалтером вызвали в Серый дом к какому-то большому экономическому начальнику с отчётом за полученную сумму. Мы просидели у него до позднего вечера, никаких нарушений обнаружено не было. Чиновник вышел за нами в длинный коридор, я оглянулся: он смотрел на меня, как Сталин на Троцкого: ничего, в другой раз докопаемся...

* * *

Началось акционирование государственных предприятий. В Иркутске в тот момент только типография аэрогеодезического предприятия печатала акции. У них стояли станки, на которых печатались географические карты. Нашёлся печатник, приспособившийся печатать акции с меняющимся набором номеров. На посредничестве можно было заработать. Я узнал, что «Лензолото» готовится выпускать акции. Представителем «Лензолота» в Иркутске был Владимир Иванович Потапов, бывший первый секретарь Иркутского обкома КПСС (1988–1990). Я рассказал Распутину о своём плане, Валентин Григорьевич позвонил Потапову,

тот назначил мне встречу, и мы договорились. Я сходил в типографию, поговорил с Н.А. Пармоновым, начальником печатного цеха, условились о цене, затем встретились с Потаповым — одним словом, дело завертелось. Деньги были не ахти какие, но по зёрнышку иногда удавалось «наклевать» на выпуск очередного номера.

Пробовал я зарабатывать и на издательской стезе. Первый наш с Сергеем Ивановичем Переносенко опыт ничего не дал, бумага, неудачно купленная, ушла на журнал. Приходила идея о создании типографии, но и от неё пришлось отказаться, деньги решали всё, а они отсутствовали. В начале пути я не представлял всей будущей бездны падения культуры и отстранённости государства от проблем. В дальнейшем Сергей Иванович занимался издательской деятельностью самостоятельно, издавал и книги иркутских писателей Глеба Пакулова, Евгения Варламова, других.

* * *

В годы становления автономного журнала никто не знал, куда несёт и куда занесёт нас ветер перемен. В безвыходности, казалось бы, положения рядом оказывались те, кто бескорыстно помогал журналу. С благодарностью вспоминаю Фёдора и Татьяну Ясниковых, Володю Зубчанинова, Геннадия Гайду, Александра Турика, Александра Панова, Константин Житова, Александра Тепляшина. Были писатели и авторы журнала, сочувствием и соучастием поддерживающие в беспросветных обстоятельствах. Доктор наук, профессор, завкафедрой политехнического института Анатолий Дмитриевич Сирин по моему звонку на своём микроавтобусе, в кожаной куртке и грубых крагах, как из документальных фильмов начала двадцатого века, подъезжал к Дому литераторов, мы ехали в типографию, развозили тираж. Я звонил ему редко, когда не удавалось зафрахтовать кого-нибудь другого.

Скурихин

Володя окончил Иркутский иняз, даже приезжие немцы отмечали его великолепное владение немецким языком. Потом окончил экономический факультет нархоза, но нигде не приработался, и когда я создавал редакцию журнала, он был первым бухгалтером. Как натура поэтическая, он имел небольшую странность иногда по неделе не выходить на работу. На первых порах, пока не требовалось серьёзной и постоянной отчётности, меня эти помехи не смущали, а когда пошла постоянная работа, пришлось искать другого экономиста. Я помог ему издать первую книгу стихов на редакционные деньги, редактировал вторую. Наши дружеские отношения сохранились до самой его кончины.

С Володей я познакомился в начале семидесятых. Иркутск город небольшой, и кажется, в нём все друг друга знают... Володя жил с родителями в старинном двухэтажном доме на бульваре Гагарина, между краеведческим музеем и юридическим корпусом университета. Володин отец, Евгений Иванович, был финансистом в обкоме КПСС, получил квартиру по улице Горького, 1, в так называемом обкомовском доме. Из окна Володиной комнаты был виден старый Дом писателей на ул. Пятой Армии, его давно снесли, но остались снимки Володи, которые я публиковал к какому-то юбилею нашей организации в журнале «Сибирь».

Шестидесятые-восьмидесятые называют вершинными годами русской советской литературы. В Москве выходит журнал «Наш современник», объединивший писателей русского направления Фёдора Абрамова, Евгения Носова, Василия Шукшина, Василия Белова, Виктора Астафьева, Валентина Распутина и многих других, в полный голос заговоривших о России, о русском народе, о нравственных и духовных скрепах. В иркутской «Ангаре» публикуются Распутин, Вампилов, Гурулёв, Зверев.

В начале моих литературных шагов «главными» в альманахе были Юрий Самсонов (1967–1969), Анатолий Шастин (1969–1970), Геннадий Николаев (1971–1974), Борис Лапин (1974–1979), Альберт Гурулёв (1980–1983), Ростислав Филиппов (1984–1986). По распоряжению обкома КПСС Самсонова уволили за публикацию «Сказки о тройке» братьев Стругацких, Гурулёва — за публикацию «Повести о поселковом мастере» Владимира Жемчужникова, «за идеологические издержки, недопустимые в изображении действительности и образов строителей коммунизма». Остальные уходили по своему желанию. Самый большой тираж был при А. Гурулёве в 1980 году — 15 тыс. экз. — фантастическая по сравнению с нашим временем цифра, в 1985 году, когда объявили перестройку, тираж упал до 10 тыс. При мне к 1990 году поднялся до 12 тыс. Это было время взлёта читательского интереса до заоблачных высот. Публиковалось много не известных ранее произведений, новых имён, вернувшихся к нам из Имперской России.

Но Советский Союз рухнул, тиражи книг и журналов катастрофически сокращались. Удержать их не было никакой возможности. У читателей появились новые интересы. Сегодня количество журналов в областных городах определяется количеством библиотек, в них поступает большая часть тиража.

«Не лепо ли ны бяшет, братие...»

Давайте для интереса вспомним, как работал институт редакторства в СССР. Это весьма поучительно и, вероятно, уже недостижимо.

Написал автор книгу. Принёс в издательство, единственное на всю Сибирь Восточную. Рукопись читают редакторы и делают заключение, подходит для публикации или нет. Если рукопись достойна внимания, её обсуждают на издательском совете и ставят в план издательства, и примерно через два года, с таким расчётом формировался план, выйдет книга тиражом, который определяется совместно с книготоргом — была такая всесоюзная организация. Тиражи тогда были огромными, поэзия издавалась в тысячах экземпляров, проза в десятках тысяч, а в московских издательствах — в сотнях тысяч. Сегодня тиражи крутятся вокруг 50–300 экз., редко достигают 1000, всероссийские — нескольких тысяч в лучшем случае.

Если по какой-то причине рукопись не получала одобрения или возникали сомнения в качестве, её отдавали на рецензию иркутским или читинским писателям. В последние годы руководящее ведомство в Москве распорядилось — дабы повысить качество литературы — рецензировать рукописи в обязательном порядке, расширить круг рецензентов за счёт иногородних и ставить имя рецензента в выходных сведениях книги.

И я получал отрицательные заключения на свои рукописи — приятного мало,

но со временем понимаешь правоту рецензента, с этого и начинается объективный взгляд на своё сочинительство.

Рукопись, не одобренная рецензентом, автору возвращалась на доработку, а над включенной в план начинал работать редактор, причём совместно с автором, согласуя каждую строчку. Если автор не согласен с мнением редактора, мог отказаться и настоять на другом редакторе. Была отлаженная система, нацеленная на то, чтобы к читателю поступал качественный, говоря по-современному, товар. После выхода книги автора могли принять в члены Союза писателей СССР. Талантливый автор был освобождён и от унижительной, на мой взгляд, торговли собственными книгами, на торговой улице в конце длинного прилавка с дешевым китайским ширпотребом. Торгашеские способности у талантливых писателей — качество редкое.

Советская система книгоиздания вывела нашу страну в ряд самых читающих стран мира, а советская литература продолжила великую традицию русской классики.

Редакторы работали с текстами, соответствующими уровню литературы. Без определенного уровня вход в литературу перекрывался. Кроме издательского редактора привлекались и редакторы общественные, я уже не помню, в чём суть их участия, но, например, в книге стихов Юрия Аксаментова «Рябиновая гроздь» (Восточно-Сибирское книжное издательство, 1970), в выходных данных стоит редактор Л. Глаголева, а на обороте титульного листа указан общественный редактор Сергей Иоффе.

Необходимость в требовательном редакторе может возникнуть только при создании издательств, в которых будет участие и заинтересованность государства в выпуске продукции, нацеленной на вечные ценности. Как заметила бывший издательский редактор Валентина Семенова в одной из своих статей, впервые опубликованной в «Сибири», «путь государственного издательства лежал не к торговой площади, а к храму культуры».¹

Художественная самодеятельность

Увы, век профессиональной *массовой* литературы закончился, на дворе век *художественной* самодеятельности. Властелином мира литературы, как и всего остального, стал рынок. Всё стало значительно проще и примитивнее, и в итоге — истинно талантливого писателя встречаешь реже, чем белого тигра в сибирской тайге, книг же печатается всё больше, они идут накатом на читателя, как валы в наводнение, и членов Союза писателей в несколько раз больше, чем когда были живы Валентин Распутин, Александр Вампилов, Алексей Зверев, Геннадий Машкин, Станислав Китайский, Анатолий Горбунов, Ростислав Филиппов. Если посмотреть на количество пишущих и издающихся, то и талантов должно быть в несколько раз больше. Но почему-то количество не переходит в качество.

Сегодня издаться проще простого: берёшь деньги в тумбочке, скачиваешь рукопись на флешку, выбор печатных станков широк, и через максимум десять дней получаешь вожделенный тираж. И сразу несёшь книгу в Союз писателей и пишешь заявление о приёме в его члены. Профессиональный редактор не нужен этой системе.

¹ Семёнова В.А. Знаменательные, но печальные даты // Сибирь. 2011. № 5.

Сегодня основную долю редактирования книг берут на себя писатели. Казалось бы, правильно: витии, инженеры человеческих душ должны справиться как нельзя лучше... Ан нет, не всё так однолинейно.

Занимаясь редактированием текстов, работая долгие годы в журнале «Сибирь», я обнаружил, что не все, даже талантливые писатели, обладают способностью видеть недостатки и погрешности в своих текстах, при этом они могут видеть их в текстах чужих; иные не видят ни у себя, ни у других. Особенно это касается поэзии, потому что тема, рифма, размер, музыка стиха сбивают усреднённый слух, а абсолютный поэтический слух — явление более редкое, чем музыкальный, в поэзии соединяются слово, музыка, живопись, философия. А в музыке мы наслаждаемся сочетанием, порой волшебным, но только звуков и мелодий. Я предполагаю, что чувство поэзии может быть только врождённым. Его можно развивать, совершенствовать, шлифовать, но на голом камне цветок не распустится.

Редактирование — это всего лишь приглаживание растрёпанных вихров, и не приводит к совершенству причёски, как и макияж к красоте. Для автора, имеющего дар, это может послужить детонатором спящего чувства слова. И ещё выскажу крамольную мысль: до тех пор, пока пишущий человек сам не увидит недостатков в своих писаниях, он не станет писателем.

Редактирование посредственных текстов — занятие никчемное, достаточно опытного корректора, который поможет устранить языковые и смысловые нелепости.

Цензура

В интервью журналиста Юрия Багаева с Юрием Самсоновым, опубликованном в альманахе «Голос» (Иркутск). — 1990. — № 1, читаем: «В феврале 1969 года бюро Иркутского обкома партии приняло постановление об идейно-политических ошибках, допущенных в альманахе «Ангара». Поводом к этому послужила публикация повести братьев Стругацких «Сказка о Тройке». Произведение это было признано идейно порочным и аполитичным, номера «Ангары» с повестью изъяты из массового библиотечного пользования и переведены в спецхран, а главный редактор альманаха писатель Юрий Самсонов освобождён от должности».

В те годы в стране существовало Главное управление по делам литературы и издательств, или Главлит. Неофициально это ведомство называли цензурным комитетом или просто цензурой, а начальника обллита (областного управления) Николая Григорьевича Козыдло — цензором. Роль этого ведомства в постсоветском медиапространстве была искажена и преувеличена. Даже на примерах двух «опальных» произведений видно, что никто их не запрещал, и только после публикации бдительные работники идеологического фронта принимали решения о наказании виновных. Вот что сам Ю. Самсонов говорит о цензуре: «После я увидел, что издательские работники умеют валить на цензуру то, чего она ещё в глаза не видела, авансом, и что Козыдло — человек порядочный, дружелюбный, терпимый, даже уступчивый, разумеется, в пределах полномочий. Работу свою знал, делал её предельно добросовестно, но готов был и рискнуть — и я этим бессовестно пользовался, причём неоднократно...»

Вот доказательство: «Бюро ОК отмечает, что в 1968 году на страницах 4 и 5 номеров литературно-художественного и общественно-политического альма-

наха «Ангара» опубликована идейно порочная, аполитичная повесть Стругацких «Сказка о Тройке».

Под предлогом фантастического сюжета, широко используя средства иносказания (аллегии), авторы повести в нарочито искажённом виде, субъективно и тенденциозно представляют советское общество, охаивают историю развития Советского государства, деятельность его учреждений, жизнь советских людей, строящих коммунизм.

Вместо сатирического изображения отдельных недостатков нашей жизни и показа конкретных носителей социального зла, ещё встречающегося в нашей действительности, авторы обобщили и заострили это зло, не показав сил, которые успешно преодолевают трудности и недостатки на пути движения советского общества к коммунизму. Частные и преходящие отрицательные явления, отражающие процесс борьбы нового со старым в поступательном движении общества к коммунизму, приобрели несвойственные им всеобщность и фатальную неизбежность...

Костяк сюжета повести, её художественный строй, особенно язык и стиль направлены на охаивание научно обоснованных методов руководства в нашем государстве... Авторы отошли от принципов партийности и социалистического реализма» и т. д. Что называется, достойно скрижалей, но я поленился переписать бумагу от начала до конца, когда она была в руках. Да, поди, и не надо: достаточно.

После таких обвинений, сами понимаете, ни о каком помиловании и речи быть не могло. Было постановлено главному редактору альманаха «Ангара» объявить строгий выговор с занесением в учётную карточку и от работы освободить. Примерно через год новый главный редактор Анатолий Шастин сумел-таки напечатать «Утиную охоту».

За публикацию «Сказки о Тройке» был уволен и главный редактор издательства В.Г. Фридман.

* * *

Все байки о злобствовавшей цензуре можно сдать в архив. А если говорить серьёзно, цензура — необходимый хирургический инструмент для поддержания здоровья культуры. Александр Сергеевич Пушкин утверждал: «Нравственно образованному обществу необходима нравственная цензура». Советская цензура была политической, идеологической, но в некоторой степени и нравственной. «Сказку о Тройке» не назовёшь «высокой литературой» или чем-то выдающимся, это всего лишь памфлет, даже до политической сатиры не дотягивает. Когда сегодня смотришь на забвение всех моральных и нравственных принципов на телевидении, в театре и кино, в литературе, невольно приходит мысль о необходимости ограничения «свобод на грани мерзости». Современное общество нравственно нездорово, и ему вряд ли поможет цензура, но некоторые ограничения могли бы пойти на пользу выздоровления в будущем. Лозунг «ничего не надо запрещать» лжив и вреден любому государству. Отрицание принуждения есть отрицание культуры.

Либерализованная интеллигенция по инерции продолжает вспоминать о жестокости советской цензуре, но не так страшен чёрт, как его малюют. Нельзя сказать, что цензуры не было, но она на качество литературы не распространялась. Валентин Распутин говорил, что нужно лучше писать, и тогда никакая цензура не опасна.

Альберт Гурулёв рассказывал мне, что после публикации «Повести о поселковом мастере» его тоже «прорабатывали» на Бюро обкома КПСС. Кто-то из членов бюро задал вопрос: сколько вы получаете за редактирование?

— Нисколько, — ответил он.

В зале возник ропот, неожиданность ответа поразила настолько, что вопросов больше не было. И действительно, тогда редактирование осуществлялось издательством, а главный редактор альманаха получал за составительство. Гурулёву объявили партийный выговор и отстранили от работы в альманахе.

Председательствующий напутствовал:

— Вот вы опубликовали повесть о спившемся человеке. Нужно смотреть выше и дальше. На другой стороне Байкала идет строительство Байкало-Амурской магистрали, вы этого не замечаете, а алкоголика увидели...

Журналисты и писатели прославляли великие стройки коммунизма, которые действительно были великими, но была и другая сторона жизни, которую идеологам хотелось видеть на страницах партийной печати припудренной и припомаженной.

От Пушкина до...

Оглядываясь на советскую эпоху, всё больше убеждаюсь, что проект создания Союза писателей СССР в 1934 году был грандиозным и успешным. Советская литература достойно продолжила русскую традицию и дала множество больших имён. Система организации литературного процесса, внимание государства к творчеству, быту литераторов, совершенство издательского механизма привело к созданию в СССР класса читателей во всех слоях общества. За четверть века была возвращена великая литература, на современной почве, с определяющими чертами русской классики. История Иркутской писательской организации тому свидетельство. Именно в шестидесятые годы заявляют о себе Вампилов, Распутин, Гурулёв, Филиппов и другие, с их уходом начинается медленный спад, а затем и свал всего литературного процесса. С началом перестройки обнажился кризис и культурной и экономической жизни страны, руководство страны не сумело преодолеть его.

С давних пор редактор — организатор литературного процесса, с него начинается журнал, он читает и отбирает рукописи, вокруг него формируется круг авторов, он определяет направление. Пушкин, Некрасов, в советское время Твардовский, Куняев, многие другие... От масштаба личности и глубины таланта отпечатывалась в истории и общественная, и культурная, и политическая значимость того или иного издания.

Журнал «Сибирь» под разными названиями: «Новая Сибирь», «Будущая Сибирь», «Ангара», существовал и до меня, десятилетиями формировался авторский коллектив, уходили одни, приходили другие, менялись редакторы, а главной творческой силой были писатели. Важной рубрикой в журнале была публицистика. Общественная деятельность писателей сопряжена с реакцией на состояние общества. А.М. Шастина волновало сохранение памятников истории и архитектуры, А.В. Зверев писал об уничтожении островов на Ангаре, Л.Л. Огневский беспокоился о сельском хозяйстве, А. Байбородин о состоянии народной культуры, В.И. Марина — о нравственных проблемах, о семейных отношениях, Анатолий

Горбунов — о боях родной провинции, Валентин Распутин обобщал эти проблемы и выводил их на общесоюзный уровень.

Преподаватели госуниверситета и пединститута сотрудничали с альманахом. Василий Прокопьевич Трушкин занимался историей сибирской литературы, Надежда Степановна Тендитник писала о творчестве современных писателей, Александр Всеволодович Дулов приносил статьи по истории Сибири, вместе с ним заседали мы в городской комиссии по топонимике, пытаясь убедить чиновников в необходимости возвращения исторических названий улиц и площадей; Таисия Владимировна Сергеева, преподаватель пединститута, исследовала «Слово о полку Игореве».

Много лет сотрудничала с редакцией Надежда Васильевна Куликаускене. Мы даже выделили ей стол, за которым она работала, готовила свои труды к печати. Ей необходимо было общение и понимание, это было частью её творческого процесса. Я не знал больше никого, кто бы так основательно вникал в каждую публикацию, с такой кропотливостью составлял справочный материал, до крайнего срока уточняя и исправляя текст. Многие статьи Надежды Васильевны проходили «обкатку» на страницах «Сибири». Здесь родилась идея собрать их в единую книгу. Идея осуществилась, но судьба книги «Прошлое — будущему» оказалась непростой. Готовить её к изданию начинали мы с сотрудницей журнала Людмилой Заступовой, продолжил Сергей Корбут в издательстве «Иркутский писатель», а завершил допечатную эпопею и выпустил в свет Александр Лаптев в издательстве «Сибирская книга» в 2012 году.

Публицистика и критика — рубрики, которые всегда испытывали нехватку материалов. Авторов необходимо было искать, а иногда и организовывать, уговаривать подолгу, и чаще безуспешно.

Анатолий Столяревский начал публиковаться со стихов, мы с ним довольно часто общались, обсуждали новинки литературы, он был мыслящим собеседником, начитанным, знавшим современную и классическую поэзию, прозу, и я предложил ему попробовать изложить своё мнение о какой-то книге. Статья получилась, и он стал постоянным автором в первом десятилетии 2000-х годов. Помню, с какой радостью мы встречали в редакции каждую новую статью Столяревского, в короткий срок превратившегося в профессионального критика, которым мог гордиться Иркутск. Запомнились его размышления о поэтических антологиях и хрестоматиях в обзоре «И не она от нас зависит...», полемические статьи «Модернизм в Иркутске, или Возможно ли победить Пушкина?» и «Плач по Полигимнии» (о современной поэзии). Все его работы были опубликованы в нашем журнале. К великому сожалению, Анатолий Столяревский сверкнул яркой звездой далеко не местного масштаба на литературном небосводе, оставив этот мир в зените своего восхождения.

Постоянным автором был протоиерей Евгений Касаткин, настоятель Крестовоздвиженской церкви, его статьи и проповеди знакомили читателей с основами Православной веры.

Я не ставлю целью перечислять имена или публикации, их было за четверть века бесчисленное количество, называю только тех, чьи имена постоянно в памяти, с кем сходилась дружески, в ком отмечал какую-то особенность, кого помнил по участию в общественном движении, всё это мои воспоминания, не претендующие на обобщение или повествовательную стройность. Но одно имя я назову, это прозаик и поэт Андрей Антипин, он известен сегодня читающей публике в стране

и в русском зарубежье, критика причисляет его к русским традиционалистам, к группе молодых писателей, ярко заявивших о себе в последние годы. Его первые рассказы, повести, роман «Житейная история» были впервые опубликованы в нашем журнале.

Редакторы

Поначалу всю творческую работу приходилось вести самому, отбирать и прозу, и публицистику, и стихи, и всё остальное, вычитывать, править, единственным помощником был корректор, благо, что ещё были работники старой школы, мастера своего дела, они, по сути, были и редакторами, тонко чувствовавшими литературное слово. Я у них учился понимать текст во всей его полноте. Хороший корректор — это и помощник в редакции. Мне несказанно повезло, что Галина Дмитриевна Лопатовская согласилась читать журнал за какие-то баснословно малые деньги. Гастарбайтеры зарабатывали больше. Советская школа книжного, издательского дела, это высочайший уровень образованности и профессионализма. Редакторов и корректоров такого диапазона почти не осталось, у общества и государства в провинции нет потребности в квалифицированных работниках литературно-издательской сферы.

В мою бытность в журнал приходили те, кому некуда было деться, или те, кто воспринимал свою работу как служение.

Во второй половине моего редакторства работать стало легче, в редакцию пришли Валентина Андреевна Семёнова с опытом работы в Восточно-Сибирском книжном издательстве и Людмила Николаевна Заступова, из издательства Иркутского госуниверситета.

Писатели, как в старину *гулящие* (вольные) *люди*, не несущие государева тягла, пользуясь свободой передвижения и выбора занятий для своего пропитания и жизни, по моим наблюдениям, редко способны тянуть редакторскую лямку. Но исключения случаются.

Олег Слободчиков, как заведомо прозы, меня вполне устраивал. У него был опыт работы в журнале «Подъём», и была, что важно, ответственность. Он выдвигал идеи, брал разнообразные интервью, был, что называется, пахарем, и при этом не проталкивал своих романов, не пользовался моим расположением и своим положением в журнале.

Непродолжительно поработали в «Сибири» Анатолий Байбородин и Сергей Корбут.

Не могу не вспомнить и Веру Никифорову, нашу наборщицу и верстальщицу, удивлявшую скоростью набора и умением замечать то, чего по её обязанностям и не требовалось. Был такой случай. В журнал должен был пойти очерк Геннадия Машкина «Таёжная глухомань». Публикация складывалась трудно, вначале я отказал ему, на редколлегии всё же решили опубликовать, но с доработками. Текст правился и перепечатывался, редактировался и вычитывался, и уже на последней вёрстке, после которой макет уходит в типографию, Вера заметила ошибку в названии: вместо «Таёжной глухомани» была напечатана «Таёжная глухомать». Мы посмеялись, но когда я представил, что это могло остаться в журнале, и это прочёл бы Геннадий Николаевич Машкин, которого мы называли «классиком» — подобного смущения я никогда не испытывал в журнальной практике...

Они стали моими соратниками и единомышленниками, мы сходились во мнении, каким должен быть журнал, я доверял их профессионализму и опыту. Вокруг журнала формировался читательский круг, кто-то добровольно помогал в реализации журнала.

Если сдать журнал в типографию можно было и на общественном транспорте, всего-то увезти макет на диске или флешке, то с получением тиража всегда возникал вопрос, на чем вывозить. В 90-е годы тираж достигал десяти тысяч, их надо было получить, погрузить, привезти, разгрузить, развезти: сдать в бибколлектор для рассылки по библиотекам области, сдать на вокзале в багажную службу подписные экземпляры для отправки по России и т. д., немалое количество отправлялось по почте читателям по области и стране, упаковывать каждый экземпляр приходилось самим. Это было непрерывное движение по кругу.

* * *

Невольно приходилось быть в центре культурной жизни. Меня приглашали на значимые события, включали в различные административные комиссии и советы. В некоторые организации я вступал с единственной целью, чтобы проще было решать вопросы с журналом. Так, в 2008 году дал согласие на работу в Общественной палате Иркутской области. По моей инициативе провели, на мой взгляд, важные заседания «Возвращение улицам Иркутска исторических названий», а также две конференции на тему «Наш дар бесценный речь» — о состоянии современного русского языка, но результат был нулевой, никакого действия эти разговоры на власть не оказали.

Жития народные

Я издавал традиционный по форме литературный журнал, каковым он сложился в истории нашей литературы. Проза и поэзия занимали ведущее место, критика и публицистика раздвигали рамки чисто художественного творчества, заметной и любимой читателем рубрикой было «Краеведение». По необходимости появлялись новые разделы, но они не были регулярными. Пожалуй, единственным исключением стали «Жития народные» — эта рубрика на длительное время оказалась постоянной и внесла новую краску в облик журнала.

Автор идеи Валентина Семенова открыла серию «Житий», ещё работая в Восточно-Сибирском книжном издательстве, но успела до его закрытия выпустить только одну книгу — роман-быль Тараса Швецова «Карнауховский смутьян» (1993). В статье «„Жития народные“, посланцы повестей древнерусских» из книги «Под небом родным и тревожным» (Вече, 2019) она рассказывает о том, как родилось название серии — от «Жития протопопы Аввакума», вышедшего в издательстве в серии «Литературные памятники Сибири», и публикации в журнале «Новый мир» повествования И.С. Карпова «Волны житейского моря», где автор предисловия сопоставлял эту крестьянскую рукопись с аввакумовским «Житием».

Ценность простых историй, написанных простыми людьми, была увидена в исповедальности, в желании рассказать «всё, как было», притом своим языком, неотделимым от стихии народной речи. На первом месте стояла достоверность в отражении событий и переживаний.

Остановлюсь на этой теме подробнее, так как она связана с «Сибирью» с самого начала.

Из статьи В. Семеновой:

«В 1986 году мне, редактору художественной литературы Восточно-Сибирского книжного издательства, впервые не захотелось возвращать рукопись автору-непрофессионалу. Это был Александр Литвинцев с его повествованием «Мертворождённая».

Поражал эпизод-символ, вынесенный в самое начало истории о неудачной попытке организации коммуны в 1920-е годы. В таёжную глушь, морозной зимой, на крестьянских санях под конвоем следует семья раскулаченных. Ко всем тяготам прибавляется ещё одна: женищина в пути рождает. Семье разрешают остановиться в ближайшей избе только на одну ночь. Рождается недоношенная девочка и умирает. И неясно — своей ли смертью, или родители взяли грех на душу и лишили младенца жизни, дабы избавить от грядущих нечеловеческих страданий. Ребёнок объявляется мертворождённым, обоз движется дальше в неизвестность.

Помимо истории рукопись содержала документы о работе «мертворождённой» коммуны, сравнения с результатами единоличного труда до её создания. Стиль не отличался гладкостью, возник вопрос, что делать с редким по содержанию произведением.

Судьба рукописи сложилась так. После обсуждения в местном отделении Союза писателей она была литературно обработана известной иркутской журналисткой Валентиной Юдиной и выпущена в 1988 году в альманахе «Сибирь» под названием «Хроника одной коммуны». При всём уважительном отношении к материалу правка его привела к утратам: текст был сокращён до принятого объёма журнальной публикации, стиль приглажен, отчего исчезли индивидуальные особенности языка и интонации рассказчика. Автор остался не удовлетворён и снова предложил свою рукопись книжному издательству, настаивая на сохранении названия «Мертворождённая» и на полноте текста.

Тогда-то, в конце 80-х, и родилась идея издания серии книг самодеятельных авторов «Жития народные».

А вот запись из моего дневника:

«16 декабря 1986 г.

17-00. Обсуждение на редколлегии «Сибири» повести А.Н. Литвинцева «Мертворождённая» о создании первых коммун. Разговор был серьёзный, это была первая правдивая повесть о начале коллективизации. Распутин в заключение сказал, что не надо надеяться, что с цензурой будут дела обстоять просто. Надо всё же дать убрать те резкие места, которые не могут навредить целому, чтобы состоялась публикация».

У Валентины Андреевны тоже указан 1986 год, видимо, второй экземпляр рукописи параллельно был представлен автором после обсуждения у писателей и в книжное издательство — такое происходило нередко. Что касается обработки «Мертворождённой» В. Юдиной, то этот вопрос решался, возможно, уже в стенах издательства с участием кого-то от редколлегии — альманах тогда ещё не был самостоятельным.

С Александром Николаевичем Литвинцевым меня познакомил Гауда, они были соседями, Александр Николаевич жил в доме работников НКВД на ул. Литвинова, торцом упиравшемся в деревянный двухэтажный дом в Пионерском

переулке, в котором жил с матерью и семьёй Геннадий Михайлович. В тридцатые годы А.Н. Литвинцев служил в НКВД, был оперативным сотрудником, и, как он мне рассказывал, когда начались массовые репрессии, воспользовавшись возможностью, он перешёл на хозяйственную работу. Он был искренним, честным советским человеком, и я ему верю, иначе он не написал бы «Мертворождённую». После знакомства с рукописью я попросил её прочесть Валентина Распутина, и вынес на обсуждение редколлегии.

Нам с Гайдой нравилось бывать у Александра Николаевича, последние годы он жил один, много рассказывал нам о работе в НКВД, о том, чему был свидетелем. Не могу забыть поразивший меня рассказ. Приехал проверяющий из Москвы, после того как оказалось, что по статистике разоблачённых «врагов народа» Иркутская область отстаёт от других: «Всех работников управления собрали в Управлении в актовом зале. Московский гость выступил с пафосным словом, охарактеризовал политическую обстановку, заклеил контрреволюцию, троцкизм и всех врагов мирового пролетариата, призвал к беспощадной борьбе с врагами народа. Когда закончил, попросил принести стул покрепче. «И приведите сюда самого молчаливого».

Привели арестованного, следом занесли стул. Видимо постановочный сюжет задумывался заранее. Московский начальник взял стул за спинку и с размаха ударил об пол, отломал одну из ножек и стал допрашивать арестованного. Тот отвечал на вопросы односложным: нет. В какой-то момент допрашивающий с размаха ударил его точёной ножкой поперёк лица, тот пошатнулся и рухнул на пол. ”Очнётся — продолжим. Вот так надо разговаривать с врагами народа“».

* * *

Повлияла «Сибирь» и на выход в Восточно-Сибирском издательстве первой книги серии «Жития народные» — «Карнауховский смутьян» Т. Швецова. Привожу отрывок из сборника, посвящённого памяти директора издательства Ю.И. Бурыкина («Я не смогу без книги...»). Чита, 2012).

Из воспоминаний В. Семеновы «Им был отпущен один век»:

«...Несколько лет я не могла пробить в печать рукопись никому не известного автора, в которой через историю одной семьи показана история сибирской деревни с середины девятнадцатого века до середины двадцатого. Этим романом-быльёю я намеревалась открыть цикл или серию книг под названием «Жития народные»... Время шло, движения не было, и я уже потеряла надежду.

И вот однажды на пороге нашей редакции появляется Юрий Иванович с выражением лёгкой взволнованности от какого-то нового впечатления, которым он не может не поделиться...

— Это надо же! — Воскликнул Ю.И., ни к кому не обращаясь. — Простая крестьянка, а не может жить без любви! Да и сильная какая: сама дом сумела поставить...

Встретив недоумённые взгляды, повернулся ко мне.

— Дарья-то, Дарья у этого... Швецова...

Оказывается, читая альманах «Сибирь», который тогда проходил через наше издательство, Ю.И. наткнулся на главы из того самого романа-были — я их предложила составителю к публикации. Благодаря Василию Козлову, который сразу принял мой замысел, вот уже более двадцати лет в альманахе, теперь — в

журнале, под рубрикой «Жития народные» выходят эти простые и необыкновенные повести...

А тогда я, боясь поверить неожиданной поддержке, с воодушевлением бросилась убеждать директора:

— Там... всё так же колоритно! Вы только почитайте рукопись!

— Ну, давай... посмотрю, — согласился он, после чего вопрос об издании книги Тараса Швецова «Карнауховский смутьян» был решён: она выпущена в 1993 году 10-тысячным тиражом, разошлась быстро».

Остаётся добавить: в журнале «Сибирь» в этой рубрике опубликованы: Александр (р. Б.). Отец Арсений. Предисл. В. Сидоренко. Сибирь. 1991. № 6; Павлов И. Разлад в большой семье. Сибирь. 1994. № 2–3, 5; Живетьев М. Шторм на Байкале учит поневоле. Сибирь. 2007. № 3–5; Гончаренко А. День шофёра. Сибирь. 2011. № 5; и другие произведения.

Попутно замечу, что интерес к постоянной рубрике «Краеведение», созвучной «Житиям народным», был устоявшимся, и даже подписка по стране пополнялась за счёт иркутян, живших в разных уголках Советского Союза, но не забывших свою малую родину, и исчислялась тысячами экземпляров.

Дом литераторов

В советские годы Дом литераторов был просто домом, помещением, в котором располагались Иркутская писательская организация и Бюро пропаганды художественной литературы. Сотрудники Дома литераторов поддерживали надлежащее состояние помещений, систем отопления и водоснабжения. В кинозале, расположенном в подвальном помещении, демонстрировали редкие фильмы, иногда не поступающие в прокат. На просмотры приходила интеллигенция, и не только творческая, иногда происходили обсуждения. Ближе всех к нам были художники: «Любите живопись, поэты». У нас постоянно размещалась чья-то экспозиция, да и дружба между писателями и живописцами была естественной и необходимой. Различных встреч, вечеров, собраний было много. Бюро пропаганды выпускало месячный план работы небольшой книжицей типографским способом, планировались творческие отчёты, обсуждения свежих выпусков журнала, встречи с руководителями советских и партийных органов, деятелями различных сфер, медицины, науки и т. д. Был период, когда мы выпускали стенгазету, что было распространённым явлением общественной жизни, на склеенных в несколько метров больших стандартных ватманских листах рисовали карикатуры, помещали стихи и прозу, выходившие за рамки печатных изданий. Обычно это делалось к очередному собранию и вызывало оживлённую реакцию.

Установленный в полуподвале биллиард вечерами собирал любителей погонять шары, иные литераторы приходили просто пообщаться, бывали художники, музыканты, актёры, даже куратор наш из комитета госбезопасности Юрий Гуртовой заходил на огонёк, и писатели могли с ним откровенно говорить о том, что происходит в стране, узнавать некоторые не широко известные факты, естественно, вне рамок совершенной секретности. Иногда по определенной надобности отправляли его в винный отдел расположенного за углом кооперативного магазина «Сибирь».

Друзья писателей, или странные люди

Был такой интересный человек в писательском окружении — Александр Васильевич Ляпин. Надо сказать, что в восьмидесятые годы вокруг писательского Союза сформировалось немало активных читателей, собиравших автографы, посещавших литературные вечера, и просто друживших с писателями.

Обладая природным талантом учителя, он в деревне Новогутово работал в школе, вел русский, физику, математику, географию, историю.

В шестидесятые годы Александр Ляпин занялся фотографией. Его жена Валентина Павловна вспоминала: «Однажды мы зашли в магазин и увидели фотоаппарат «Смена-2». Посоветовались, и купили. Он много фотографировал своих детей, детей в интернате, заслужил уважение работников интерната, директор поддержал его занятия фотографией, а затем и киносъёмкой.

В 1964 году семья переехала в Иркутск. Александр поступил в Педагогический институт на физико-математический факультет. Одновременно он стал преподавать фотографию в дошкольном педагогическом училище. Он организовал кружок по фотографии и создал студию любительских фильмов. В 1965 году он впервые побывал на каком-то литературном вечере в Доме литераторов, познакомился с писателями. Казалось, он никогда не расставался с фотокамерой. Благодаря ему сохранились портреты значительных иркутских писателей.

В эти годы он познакомился со многими иркутскими фотографами — Борисом Ракиным, Эдгаром Брюханенко, Василием Лысенко. В молодые годы в Барабинске Александр участвовал в литературных вечерах, писал стихи, был актером любительского театра. Он уехал из Иркутска в Красноярск и там трагически погиб в 2001 году».

Я не помню, чтобы он читал свои стихи в писательских компаниях, но удивляло всех то, как он читал наизусть свои рассказы и повести, актёрски разыгрывая сюжет, и на слух они производили впечатление. Я просил его перевести текст на бумагу и показать, но он этого не сделал. Он остался в истории нашей организации, о чём свидетельствуют портреты почти всех иркутских писателей, запечатлённых его старанием. В настоящее время они находятся в Музее города Иркутска. Некоторые из них опубликованы в журнале «Сибирь».

В писательскую организацию заходили актёры, музыканты, художники, звучало в зале фортепиано, проводились музыкальные вечера, поэтические встречи, художественные выставки. Кабинеты и зал были украшены работами лучших художников, сегодня этих картин не видно, похоже, что сотрудники Дома литераторов нашли для них более подходящие места.

Другом, близким приятелем многих писателей, с мягкостью своего характера, общительностью, был талантливый Валерий Вениаминович Стуков. Он сочинял песни на стихи иркутских и других поэтов, в том кругу и классических, помнятся некоторые имена: Фёдор Тютчев, Николай Заболоцкий, Владимир Соколов, Пётр Реутский, Пётр Ополев... Он часто бывал в командировках с писательскими группами. Это оживляло бесконечную болтовню, когда он пел своим негромким, но мелодичным голосом, перебирая пальцами гитарные струны. Сегодня в записи они звучат по-иному, из них ушло живое обаяние его природы, его живого голоса. И ещё он выделялся тем, что приходил на помощь в любой ситуации — при переезде на другую квартиру или при переселении в мир иной. Не было ритуальных агентств, всё приходилось делать самим: рыть могилы, организовывать похороны,

ходить за справками, а то и выпрашивать дополнительные талоны на водку и колбасу к поминальному столу. Возникали сложности в получении справки о смерти, и их мог решить Валерий Вениаминович. Казалось, в городе его знали все, и он знал очень многих.

Как-то в поездку в Усть-Илимск отправились Валентин Распутин, Валерий Стуков, Владимир Скиф, Владимир Удатов и я. (В Братске к нам присоединился Пётр Иванович Реутский.) Была встреча с литературным объединением при редакции газеты «Усть-Илимская правда». Я обратил внимание: редакция находилась на улице Братской. Вечером Валерий предложил написать песню, наиграл какую-то мелодию. Мы со Скифом начали искать первую строчку, я предложил: «В Усть-Илимске есть Братская улица». Мы написали по несколько строф, Валерий по нашему тексту тут же напел. Мне запомнился припев:

С левым берегом правый сливается,
Эстакада до самых небес,
Усть-Илимская ГЭС начинается,
Продолжается Братская ГЭС.

На каждой встрече и в Усть-Илимске, и в Братске он с удовольствием исполнял эту песню, она ему нравилась, он даже опубликовал её в каком-то песеннике.

* * *

Вспоминается страстный книголюб, милиционер Иван Соловьёв. Он был неотъемлемой фигурой литературных встреч. Работники МВД рано выходят на пенсию, и всё свободное время он посвящал общению с книгами и авторами. У него была большая библиотека, много книг с автографами. Особенно он почитал Евтушенко, это был праздник для него и забавное зрелище, когда он в составе эскорта из четырёх-пяти евтушенколюбов сопровождал приехавшего в гости поэта по улицам Иркутска.

Но главным книголюбом сегодня, без которого читательская среда Иркутска была бы скучноватой и неполной, является, конечно же, Константин Яковлевич Житов. Без него не обошлись ни один праздник Дней русской духовности и культуры, ни одна поездка гостей за пределы Иркутска, ни одна литературная встреча в областном центре, Доме литераторов, библиотеке Полевых или в Молчановке. Как он успевает везде, одному Богу известно, иногда мне казалось, что не один, а три Кости Житовых одновременно участвуют в действиях, потому что один человек не может перемещаться из одного места в другое с такой скоростью. Казалось, он знает о писателях всё, даже то, о чём сами писатели не догадываются, и если кто-то однажды посетил Иркутск, навсегда обретал телефонное внимание Кости. Когда возникали вопросы о книгах, о биографии какого-то писателя, а информации не найти даже в интернете, то последним народным энциклопедистом и академиком оставался Костя Житов, — если уж он не знает, то не знает больше никто. Иногда он мог что-нибудь и напутать, да так, что и сто чертей не распутают, но кто без греха?..

Новые поколения читателей ушли в интернет, и пока не слышно, чтобы собирались возвращаться.

Миронов с улицы Миронова

В девяностые, когда рушилась прежняя жизнь, к редакции журнала прибился Михаил Миронов. Он действительно жил на улице Миронова, и это само по себе являлось штрихом к портрету. Внешне производил странное впечатление, ходил в армейском кителе и галифе, вся не узкая грудь его была утыкана юбилейными медалями, значками, слева вверху красовались несколько «поплавок», синих лакированных знаков о высшем образовании, хотя он не производил впечатления эрудита.

Он писал стихи, издал книжку стихов за свой счёт, я даже выбрал одно стихотворение для журнала, мне нравилось, что он не приставал со своими стихами ко мне, ему оказалось достаточно одного разговора в начале знакомства. «Литературное» знакомство состоялось позже, а вначале он зашёл ко мне и предложил организовать торговлю разными вещами возле Дома литераторов, там возвышались две клумбы, и они его совершенно устраивали в образе прилавка, к тому же он предложил торговать журналами «Сибирь». Предложение было экзотичным, наверное, нигде не было такой торговли, когда рядом с воинской амуницией, сапогами, гимнастёрками и галифе, значками, марками, монетами, кухонным скарбом лежали литературные журналы «Сибирь» разных лет, книги иркутских авторов. Место было оживленное, на язык Михаил был неумолчным, умел уговаривать покупателей, и иногда зарабатывал «на табачишко», мне казалось, что сам процесс для него важнее, и он даже готов был платить за непроданные журналы.

Приходили в Дом литераторов и в журнал чисто шукшинские «чудики». Николай К. в длинном холщовом плаще, в шляпе с неширокими полями, при коротко стриженной бородке, писал рассказы, я даже опубликовал один из них в «Сибири». Изображал попа-расстригу (на самом деле недолго прислуживал алтарником в одной из иркутских церквей), любил разговоры на религиозные темы, всё это выглядело наивно и напоминало неубедительную игру самодеятельного актёра, я напрямую не высказывал ему своё недоверие к «образу», но он, видимо, это почувствовал и для убедительности пришёл ко мне в рясе, неся под мышкой пиджак, так как переоделся за углом. Я спросил его, зачем весь этот цирк, он обиделся, ушёл оскорбленным. К тому времени у него началось обострение, его поместили в клинику. Он даже написал мне длинное письмо с упрёками. Больше мы не встречались.

Лёня Лебедев, поэт, божий человек, как и Николай, сочинил легенду, что учился в Московской семинарии, мне было забавно, когда они встречались у меня, я интересовался, кто преподавал, скажем, Закон Божий, кто сектоведение, кто древнегреческий, кто латынь и т.д. Они называли фамилии, я им возражал, называя другие, взятые с потолка, запутывая их окончательно. Все понимали, что участвуют в спектакле, и каждый выбирал для себя подходящую роль.

Бывали случаи и потяжелей.

Я поднялся по лестнице и в прихожей, перед дверью увидел человека, читавшего журнал «Болгарская литература». Слева, рядом с дверью, ведущей в «зеркальную залу», располагались стеллажи с периодикой, каждый мог пользоваться периодикой. Писательская организация выписывала все основные газеты и литературные журналы Советского Союза и социалистических стран на их языках. Я прошёл в свой кабинет, и вскоре он появился у меня, поздоровался, сел.

— Можно, я журнал посмотрю? — он протянул руку, взял с полки «Сибирь» и, раскрыв, углубился в чтение. Мельком глянул на меня:

— Я тут на подводной лодке ненадолго прибыл. — Помолчал. — А вы здесь работаете?

Я всё понял, не очень далеко от нас находился соответствующий диспансер, и, видимо, пациент прогуливался по набережной и набрёл на наш дом. Задавал ему какие-то вопросы, намекал, что мне пора уходить, но он на них не отвечал.

— Мне мама сказала, чтобы я не болтал лишнего, — бросил фразу, не поднимая глаз.

Я настроился на его волну:

— У вас подводная лодка через пятнадцать минут отходит.

Он вскочил:

— Да, надо спешить. Можно я журнал возьму почитать?

Был ещё человек, некий Анатолий Суворов...

Впрочем, хватит. Это герои иного времени. Всё меньше странных людей вокруг, всё меньше ярких писателей, есть ли в этом какая-то взаимосвязь, я не знаю.

«Поэт» с топором

В журнале было правило отвечать авторам, если прислал рукопись по почте — письменно, если пришёл сам — устно. Рукописи поступали со всей страны. В редакцию авторы приходили постоянно, даже если их не публиковали, пообщаться, приобрести журнал. Ныне редакции в выходных данных сообщают авторам: «Редакция знакомится с письмами читателей, не вступая в переписку. Рукописи не рецензируются и не возвращаются».

* * *

Автор принёс стихи. Я прочитал. Встретились. Поговорили. Я разобрал «по косточкам» несколько стихотворений.

Фамилия автора была какой-то театральной, кажется, Доброскоков, если это не был присвоенный себе самому псевдоним. Он с упёртым упорством приходил снова и снова, я всегда спокойно и тщательно пытался объяснить недостатки, приводил примеры из старой и новой классики, говорил откровенно и прямо, он слушал, как мне казалось, понимал, о чём я говорю, но я чувствовал, что пользы от этого никакой нет, и однажды посоветовал ему попробовать писать прозу. Тогда я не понимал, насколько болезненными могут быть авторское самолюбие и тщеславная маниакальность. У меня ещё не было опыта. Он ушел. Я уловил что-то необычное в его жестах, мимике, глазах, но смысл перемен в нём открылся через некоторое время.

Я уехал на неделю в командировку, а когда вернулся, жена сказала: приходил какой-то странный человек, высокий, моложе тебя, лицо сухое, как бывает у бывших эзков, взгляд напряжённый. Спросил тебя, я объяснила, а он молча стоял, руки за спиной, пока я не закрыла дверь. Я понял, что это Доброскоков. Понял и забыл.

Он появился в редакции. Стихов не принёс, о чём-то поговорили. Я спросил, зачем он приходил ко мне домой.

— А ни за чем, — убить тебя хотел, — он серьёзно посмотрел на меня, — у меня топор был с собой, если бы ты открыл, я бы ударил.

— И что дальше?

— А дальше всё прошло.

* * *

Опыт учил меня не говорить несостоявшимся писателям всей правды об их сочинениях, заворачивать ответ в цветистые обёртки, чтобы не будить в человеке зла. Отказывать надо уметь, но я так и не научился этому нехитрому — или хитрому? — правилу. В моём кабинете звучали и истерики чувствительных поэтов, и уличный мат утончённых интеллигентов, и демонстративное хлопанье дверью бывших друзей, и нешуточные угрозы.

В беседах с авторами — они чередовались — я мог повторять одни и те же выработанные и казавшиеся мне убедительными аргументы, облачённые в устойчивые фразы. Авторы были изобретательнее, и у каждого имелись свои методы воздействия на редактора. Один приходил с бутылкой, другая с шоколадкой, третий с какой-нибудь редкой книгой, иной приводил в доказательство своей состоятельности мнения авторитетных людей или приносил дюжину изданных книг или журналов с публикациями, и не мог, а может, и не хотел понимать, почему я отказываю, когда он уже опубликован, и неоднократно.

Автор по фамилии не то Молчанов, не то Говорин, уже не вспомнить, подарил мне однажды сразу пятнадцать своих книг — появлялись частные издательства, отменялись прежние нормы и правила. Это был не литературный, а вообще никакой уровень: неуклюжие и безграмотные поздравления к праздникам, посвящения родственникам и друзьям, гороскопы, обряженные в рифму и размер. Объяснять человеку, что хорошо, а что плохо, было бессмысленно, он находился в параллельном измерении.

Девяностые годы стали литературным и культурным обвалом в стране. Если до этого порога всякий автор, независимо от уровня таланта, мог понять, почему ему отказывают, теперь кажется, что говоришь с авторами на разных языках. Напечатанный текст меняет представление о себе самом, иному кажется, чем больше книг он издал, тем выше поднялся по ступенькам совершенства. Но лучше меньше, да лучше — относится и к литературе.

Случались и авторы-психологи. Один вполне состоявшийся писатель, издававшийся и в Иркутске, и в Москве, после того как я отказал ему в публикации повести, принёс роман. Я прочёл, договорились по телефону о встрече.

Я услышал его через стену ещё в коридоре. Человек в серьёзных летах, излишне грузный, он шумно дышал, трудно протиснулся в дверь и сразу рухнул на стул. Стал рассказывать, что ночью был сердечный приступ, жена вызывала «скорую», оказалось прединфарктное состояние, поставили укол, велели не волноваться и обратиться к врачу в поликлинику, сейчас пойдёт записываться. После этой тирады он выжидательно посмотрел на меня:

— Ну как, роман будешь печатать?

Что я мог ему ответить, хотя по взгляду догадался о подготовленности вопроса и предварявшего его сюжета. Сказал, что объём журнала не позволяет печатать романы целиком, но отрывок постараемся опубликовать. И опубликовал.

Однажды я отказал в публикации стихов одному автору, которого публиковал ранее, уж больно механическими и бездушными становились стихи. Раздосадованный, он принёс в Дом литераторов вязанку своих публикаций, среди которых,

как говорили очевидцы, был и женский настенный календарь за 1985 год, показывал всем от дежурной до сотрудников журнала, ища сочувствия.

От некоторых не просто было отбиться, иные жаловались по начальству, один стихотворец даже дошёл до главы епархии, чтобы взять его в свидетели, как последний аргумент против моей неправоты.

Я понимал, что писатели народ чувствительный и с ними надо разговаривать обходительно, и учился этому. Но для того, чтобы держать, как говорится, планку, соблюдать высокий, насколько это возможно в провинциальном журнале, уровень, приходилось отказывать многим, в том числе известным писателям, по разным причинам, и, как ни покажется нелепым, ввиду их творческой несостоятельности тоже. Есть такая театральная фраза: если плохого актёра хвалят, он становится только хуже. Это относится и к писателям.

* * *

Есть авторы, прославившиеся в начале пути единственным произведением, а затем всю жизнь писавшие посредственные вещи, есть те, кто следовал конъюнктуре, писал заказные тематические романы на вполне литературном уровне, есть авторы одного стихотворения, иногда даже шедевра, есть пишущие всю жизнь, издающие собрания сочинений, но не поднявшиеся до уровня настоящей литературы. В советское время были выработаны критерии оценок художественного произведения, признанные в литературном сообществе, сегодня эта система упрощена. Золотой стандарт советской литературы теряет ценность. В капиталистической реальности литература живёт по законам рынка, занятие литературой становится бизнесом. Умеешь продаваться, значит, ты писатель, искусства мало кого интересуют.

«Сибирь, Сибирь...»

В 1990 году вышла книга очерков Валентина Распутина «Сибирь, Сибирь...» в издательстве «Молодая гвардия», в серии «Отечество», иллюстрированная фотографиями Бориса Дмитриева. Оформлял книгу известный художник А.Ф. Быков. Позднее, если мне не изменяет память, он оформлял книгу «Лад» Василия Ивановича Белова, о русской народной культуре.

Книга по непонятным причинам не дошла до Иркутска, её не было в тогда ещё единственном книжном магазине «Родник», но ею интересовались. Грешным делом подумалось, что на ней можно заработать.

Я позвонил Валентину Григорьевичу в Москву, объяснил ситуацию, попросил, чтобы он договорился в издательстве. Через несколько дней он сообщил мне, что договорился:

— Но тебе надо самому решать конкретно, прилетай, я тебя познакомлю с директором.

Я собрал необходимые документы, деньги.

В издательство я подошел раньше намеченной встречи, боялся опоздать, московские расстояния требуют расторопности. Мне не пришлось долго ждать Валентина. Прошли к директору. Всё решилось за несколько минут, но оказалось, что тираж уже разошёлся, спрос был большой, и книга почти вся ушла за границу,

издательству были нужны деньги, продать за рубеж выгоднее, к тому же, дополнительно можно заработать и на курсе доллара.

Директор сказал, что дал распоряжение, соберут все остатки, я записал номер того, с кем мне общаться дальше.

Валентин предложил зайти к редакторам издательства. Мы шли по коридору. — Я главные свои книги здесь издавал и благодарен редакторам за помощь.

Встретили нас с неподдельной радостью, усадили за чай, стали расспрашивать Валентина Григорьевича, а я приятно грелся в лучах его славы.

* * *

Москва, Москва... Я не любил нескончаемые перемещения в метро, бегущие эскалаторы, это движение в неподвижности, механический гуд переполненных народом и транспортом улиц, я выходил из себя, из своего привычного провинциального состояния, и с первых дней подумывал о возвращении домой. Но, бывало, свернёшь с шумного проспекта в какую-то узкую тихую улочку, пройдёшь немного и окажешься в другой Москве, патриархальной и славной, с небольшими игрушечными домиками, со сказочным храмом, неожиданно блеснувшим в тесноте позолоченными маковками и белёными стенами, и смягчишься, и станет родным всё, что только что казалось чужим и холодным.

* * *

Я поехал на Казанский вокзал узнать, как отправлять груз. Книг набралось не то четырёхста, не то пятьсот экземпляров, до отправления ближайшего вагона в Иркутск было несколько дней, погрузка осуществлялась в день отбытия — выпадала суббота, а это означало, что надо заранее забрать тираж в «Молодой гвардии», где-то его хранить, нанимать машину. Когда выяснил, сколько надо платить за багаж, понял, что денег не хватит. В это время в Москве оказался Геннадий Русских, редактор газеты «Земля», вокруг которой объединялись патриотические силы Иркутска, его родственник Константин Слестников имел в Москве бизнес, у него я и занял недостающую сумму. Вот так, с Божьей помощью отправил домой книги и, прилетев в Иркутск, встретил почтово-багажный поезд. Книга понемногу расходилась, но прибыли почти не было, часть книг раздаривалась, а если посчитать расходы на перелёт, транспортные расходы, то это предприятие можно назвать культурно-благотворительным. А как без этого.

Возвращение в Россию

В стране — перестройка. Ощущение неясной надежды и большой тревоги. Никто не ведаёт, что будет. Лозунги: больше демократии, больше социализма, больше гласности. Страна всё больше погружается в хаос.

1988 год называют вторым крещением Руси. Это действительно был рубежный год: с одной стороны государство разрушали, с другой стороны его пытались спасти.

Возрастал интерес к Православию, храмы наполнялись прихожанами, по субботам желающие креститься выстраивались в длинные ряды.

Мы возвращались на русский путь на ощупь, как в потёмках, те, кто шёл до нас, оставили маячки света, затеси на стволах, но мы шли впервые и потому сбивались с пути, блукали и снова выходили на столбовую твердь. Мы создавали газеты «Литературный Иркутск», «Земля», «Русская беседа», «Русский Восток», участвовали в обществах и собраниях, митингах и различных шествиях. Создавали патриотические и православные объединения — «Верность», «Соборяне», «Лад», «Центр русской культуры», «Товарищество русских художников», лекторий «Общество духовного возрождения и культуры», проводили публичные православные праздники: «Всех святых в земле Российской просиявших», вечера, посвящённые Св. Иннокентию Иркутскому, Дни русской духовности и культуры «Сияние России». При разнообразии политических взглядов всех объединяло стремление к Православию и любовь к нашему земному отечеству. Тогда же в Иркутской писательской организации прошёл первый вечер, посвященный Рождеству Христову, благословленный Архиепископом Иркутским и Читинским Хризостомом, при участии епископа Вадима, в то время секретаря владыки. В дальнейшем эта инициатива Валентины Васильевны Сидоренко превратилась в ежегодные празднования Рождества Христова и Пасхи в Театре народной драмы.

* * *

В начале девяностых, посоветовавшись с отцом Каллиником Подлосинским, я начал издавать православные брошюры. Дело новое, никто этим в Иркутске не занимался. Издание религиозной литературы запрещалось государством, единственным источником был издательский отдел Московской патриархии, книги продавались только в церкви, приобрести Библию или Новый завет было сложно, тиражи были небольшими. Наезжая в Москву, я получал от отца Каллиника задание побывать в издательском отделе и попытаться что-нибудь достать для нашего прихода, номера телефонов и адреса православных москвичей, занимавшихся размножением книг и брошюр на ксероксах. Доставить багажом на самолёте можно немного, но и это для нашего Михаило-Архангельского прихода являлось праздником.

В созданную при журнале издательскую группу вошли Сергей Переносенко, Фёдор Ясников, Владимир Зубчанинов. Нашу деятельность назвать издательской можно только с долей иронии, поначалу происходило элементарное тиражирование текстов. Переснимали, оформляли обложку, готовили плёнки и сдавали в типографию. Это были молитвословы, календари с ликами святых, жития святых, толкования религиозных праздников и обрядов, что необходимо для повседневной деятельности церкви. Позднее я договорился с Владыкой Вадимом, и брошюры расходились по всей Иркутской епархии.

Издавали сборники русских народных и популярных советских песен, тонкие книжки для детей, что не требовало значительных затрат. Но и это не спасало журнал, читательский спрос падал катастрофически. Нам не удавалось сводить концы с концами, наши надежды на то, что за счёт издательской деятельности можно выпускать журнал, растворились в туманной неизвестности.

* * *

Начальник печатного цеха Аэрогеодезического предприятия Николай Афанасьевич Парамонов, душевный и улыбчивый человек, сочувствующий нам, часто

печатал наши заказы в долг. Тогда ещё многие вопросы решались благодаря знакомству и добрым связям.

С советских времён сохранялись надёжные отношения с типографией «Восточно-Сибирской правды», они печатали и журнал, и книги под честное слово, но произошла приватизация, пришли новые люди с «другим мышлением», как говорил Горбачёв, смотревшие на мир сквозь денежные купюры.

Во второй половине девяностых стало ясно, что журнал не удержать. Богатые люди не спешили вспоминать прежнее купечество и подражать ему, карман был ближе к телу. Один только Виктор Владимирович Бронштейн продолжал помогать художникам и писателям, журналу «Сибирь», но и он не мог заменить государства.

Вначале я уменьшил объём журнала. Выпустили несколько номеров размером и толщиной в школьную тетрадку на скрепке. Государству не нужны стали писатели.

Я сделал всё, что было в моих силах, и решил прекратить бессмысленную «деятельность», горизонт не предвещал ясной погоды. И надо было где-то зарабатывать деньги, кормить семью. Время жизни обрывалось, начиналось выживание.

* * *

Бесконечно удивляюсь русскому человеку, его способности выстаивать в жестокие лиха, подниматься и обустраивать жизнь наново. Перестройка была разрушительнее, чем Отечественная война, в годы войны выпуск журнала не прекращался. Это частная, но важная деталь. Я использовал этот факт в бесконечных походах по кабинетам власти, но это не производило должного впечатления. За годы «перестройки» всё народное хозяйство было превращено в руины, а в годы войны заводы функционировали на полную мощь. И снова невероятно, что мы выжили, могли кончить исчезновением страны, и чем дальше живу, тем чаще приходит эта мысль.

* * *

Найти какую-либо работу в городе не получилось, я уехал в Култук и стал заниматься резьбой сувениров из капа и сувели. В древности — от древа — люди заметили, что наросты на деревьях прочнее и причудливее текстурой, чем сама древесина, и делали из них различную домашнюю утварь: ковши, братины, солонки, вазы, письменные приборы, табакерки, портсигары, курительные трубки, рукоятки ножей, приклады для ружей, женские украшения и прочие красивые безделушки. Особенно на Руси прославился вятский промысел, там делали из капа так называемые «вятские игрушки».

Я занимался этим делом и раньше, летом. В свободное от огорода время вырезал солонки, корзинки, вазы для фруктов, раздаривал их родным и знакомым, но это было для меня удовольствие, я мастерил по настроению, как говорится «на коленке», от нечего делать. А чтобы работать профессионально и кормиться промыслом, надо организовать мастерскую, приобрести или сделать самому необходимый инструмент. Иного выхода я не видел: глаза бояться — руки делают.

Тогда многие искали и находили выход в «сувенирке», к нам поехали иностранные туристы, их привлекала местная экзотика, русские туески, матрёшки, расписные ложки и множество всякой всячины.

«Настрогать», как говорится, полдела, а вот продать... Оказалось сложнее, чем думалось.

Популярным местом был этнографический музей на 47-м километре Байкальского тракта, там проводились праздники ремёсел, можно было встретить ложечников, гончаров, берестянщиков, резчиков по дереву и камню. Сотрудники музея тоже включались в народное творчество. Историк Александра Карповна Нефедьева, жена нашего писателя Валерия Нефедьева, занялась резьбой по дереву, без специальных стамесок и ложкорезов, ножом выстругивала замечательных утиц с крышками, служивших солоницами нашим предкам в древности. Да и Валера взял в руки карандаш и рисовал портреты туристов и путешественников в интерьерах старинных усадеб музея. Михаил Трофимов лепил из глины оригинальные игрушки и свистульки, но больше для удовольствия, чем для заработка, эти удивительные поделки покупали для экспозиций некоторые российские музеи.

Человек из нашей писательской артели, мой давний товарищ Владислав Огарков тогда же переехал из Усть-Илимска в Шаманку (Шелеховскую), освоил изготовление туесов и обработку капов, выезжал в воскресные дни в Листвянку и другие ярмарочные места, иногда и я присоединялся к нему, а вдвоём, как говорится, и батьку бить легче.

Но со временем у меня появился «рынок сбыта», я договаривался с торговцами сувениров в Листвянке, и за определённую мзду они реализовывали мои «деревяшки», сдавал их в сувенирные лавки и магазины в Иркутске. Этим и жил.

Продолжение

1998 год. Губернатором избрали Бориса Александровича Говорина. Это был первый губернатор, обративший внимание на жизнь писателей в перестроечное время, при нём начали финансировать полноформатную «Сибирь» и даже молодёжный иллюстрированный журнал «Сибирь молодая», приложение к «Сибири», который мы создали совместно с Игорем Кушелевым.

В бытность свою градоначальником, Б.А. Говорин в 1994 году поддержал идею русского эмигранта Александра Васильевича Шахматова и Валентина Григорьевича Распутина о проведении в Иркутске Дней русской духовности и культуры «Сияние России».

Приезжали известные писатели, литературные критики, поэты, публицисты. В журнале обозначили новую рубрику — «Сияние России».

К тому времени большинство писателей старой школы писали мало, или вообще не писали по немоте своей или другим причинам, а приезд знаменитостей давал возможность оживить журнал, повысить его уровень. Получить новый текст от участников было не так-то просто, поэтому приходилось искать публикации в периодических изданиях, брать интервью. Валентин Григорьевич присылал из Москвы взятые им у авторов рукописи Ст. Куняева, В. Крупина, В. Курбатова, В. Троицкого, И. Гончарова и др. Его имя, его авторитет помогали мне и в общении с приглашаемыми знаменитостями.

* * *

Сколько выдающихся имён, сколько великих деятелей русской культуры просияло на Иркутской земле, вставших на защиту России, русского народа, и высто-

явших, и победивших. Назову только некоторые имена, сохранившиеся в памяти, с почтением и благодарностью: Леонид Бородин, Василий Белов, Игорь Шафаревич, Станислав Говорухин, Никита Михалков, Олег Платонов, Татьяна Петрова, Евгения Смольянинова, Сергей Кара-Мурза, Александр Панарин, Леонид Харитонов, Александр Ведерников, Виктор Лихоносов, Николай Зиновьев, Савелий Ямщиков и многие другие. Их имена и выступления в разных аудиториях города и области запечатлены в «Сибири» в подробной хронике, составлявшейся по итогам встреч с читателями Валентиной Андреевной Семёновой.

Мне несказанно повезло быть свидетелем и участником уходящей литературной эпохи.

С началом перестройки, когда в Россию стала возвращаться русская эмигрантская литература, истинная история Белого движения, русская философия, количество рубрик и разделов увеличивалось, журнал расширялся в тематическом и смысловом наполнении.

«Чужой среди своих...»

Поддерживать высокий уровень журнала, особенно в провинции, нелегко. Москве легче, у неё в авторах вся страна, там происходит основной литературный процесс, а у нас слышны только отголоски, дальнейшее эхо. И вписаться в это правило, стать на равных почти невозможно. И сделать журнал заметным на этом фоне непросто. В девяностые годы этого удалось добиться, о журнале говорили и писали и в Петербурге, и в Москве, и в других городах, называли его вторым «Нашим современником», который был знаменем русского движения.

Журнал постоянно находился под критическим прицелом «своих» и «чужих». На меня, и соответственно на журнал, пытались перекладывать вины за некоторые конфликты, возникавшие в творческом сообществе. Я уже писал об этом, поэтому воспользуюсь цитатой из своей же статьи «Цыганочка с выходом», не так давно публиковавшейся в «Сибири»: «Реальных свидетелей и участников тех событий остаются единицы, и вот на сцену выходит Диксон, который выдвигает свою версию, имеющую мало общего с происходившими в то время событиями, к тому же берёт на себя сразу две роли: прокурора на пенсии и танцора, запутавшегося в собственных ногах.

«Когда журнал «Сибирь», печатный орган писательского союза, начал публиковать «Протоколы Сионских мудрецов», из Союза сразу вышли Марк Сергеев, Дмитрий Сергеев и другие. Кобенков вышел одним из последних. Он пытался наладить с оппонентами какой-то разговор. Объяснял тогдашнему редактору «Сибири» (с которым они до того приятельствовали, обменивались стихами, и о котором Кобенков писал хорошие отзывы), что эти «протоколы» давно получили заслуженную оценку, что это продукт российского политического сыска позапрошлого века, инструмент для провокаций, зубатовщина чистой воды. Но оказалось, что его никто не хочет слышать».

Для точности замечу, что «выход» из Союза писателей «апрелевцев» произошёл в начале 1989 года, а публикацию А. Нилуса «Близ есть при дверях» я начал в «Сибири» в 1991 году, с четвёртого номера, то есть более двух лет спустя. В подтверждение добавлю, что о произошедшем расколе писала Любовь Сухаревская по горячим следам. (Разлад в благородном собрании // Сов. молодёжь. 1989.

20 мая), так что произошёл он до публикации «Протоколов» и уже после выхода некоторых писателей из редколлегии «Сибири» и из Союза писателей России, но об этом ниже. Это первая ложь Диксона.

Диксон иногда принижает значение и роль Анатолия Кобенкова в литературных кругах. И наши дружеские отношения сводит к «обмениванию стишками». Понятно, меня Диксон относит к тем, «с кем он (Кобенков) раньше общался», и кто «вдруг оказались монстрами, воспитанными на «распутинщине», которая взяла на вооружение «зубатовщину».

Что тут скажешь, круто! Как будто автор учился журналистике по учебнику истории ВКП(б) и не удосужился уточнить термин «зубатовщина» в связи с изменившейся политической и общественной атмосферой. Оч-чень эффектно, ну чем не образчик РАППовских обвинителей образца 1930-х годов! У меня ощущение, что текст, который приводится как ответы Диксона на вопросы, родился в те далёкие годы — уж больно знакомым ветром веет.

Если говорить по фактам, то иркутское размежевание только эпизод общесоюзного. Надежда Степановна Тендитник напоминает об этом: «Когда «Апрель» (всесоюзная организация писателей в поддержку перестройки. О создании организации было объявлено в 1989 году. Учредительный съезд состоялся в апреле 1990 года. Википедия. Замечание моё. В.К.) принимал свои «Уставные принципы»... остановить новых реформаторов было уже невозможно. А дальше всё покатило как по накатанной колее.

«Протоколы Сионских мудрецов», из книги Сергея Нилуса «Близ есть при дверях», кроме Иркутска были опубликованы после отмены цензуры во многих изданиях и выходили отдельной книгой. Здесь не было эффекта разорвавшейся бомбы. Для обиды был найден другой повод. В начале 1989 года «Сибирь» напечатала диалог писателя и критика о массовой культуре под названием «Дети Арбата или дети России?». Именно он и объявлен был причиной выхода из Союза писателей РСФСР».

В нашей стране сложилась устоявшаяся практика обвинять в «антисемитизме» всякого, кто встаёт на защиту русской духовности и культуры, русских традиций, русского народа. Хулители почему-то считают, что свобода слова, провозглашенная нашей конституцией, дарована исключительно им, и только они определяют, что можно, а чего нельзя говорить и печатать о том или ином явлении.

Очередные внеочередные

Приведу один «криминальный» случай. У меня сохранилась газетная вырезка, в ней событие изложено в общих чертах верно. Я только проясню некоторые моменты, не совсем понятные сегодня. Вначале привожу текст заметки под заглавием: «Выборы главного редактора журнала «Сибирь».

«21 ноября 2001 года в иркутском Доме литераторов состоялись выборы главного редактора журнала «Сибирь». Василий Васильевич Козлов — редактор «Сибири» уже в течение 15 лет, и за всё это время не было серьёзных нареканий в его адрес. Что же произошло сейчас? Почему вот так, вдруг, иркутские писатели поставили вопрос о необходимости перевыборов главного редактора?»

В каждом издании редактор самостоятельно решает, какие тексты печатать, а какие нет — именно на нём лежит ответственность за качество ста-

тей, рассказов и т. п. Редакционный совет может только рекомендовать то или другое произведение, а принимает решение всё-таки редактор. Так получилось, что недовольство писателей, чьи произведения были отклонены, привело к пере-выборам.

В начале ноября В.В. Козлов пришёл на учредительный съезд Союза правых сил по приглашению В.В. Бронштейна, президента НПО «Сибатом» (в то время члена редколлегии журнала «Сибирь»). Прим. моё. В.К.). В.В. Бронштейн известен в городе как меценат, помогающий художникам, писателям и другим деятелям культуры.

Хотя В.В. Козлов не разделяет политических взглядов СПС, он посчитал нужным в своём слове сказать о том, что в России множество политических партий, ведущих общество к расколу, и только культура (которая, кстати, находится в плачевном состоянии) может выступить связующим звеном, объединяющим все партии и движения.

Позже в газете «КП Байкал» была опубликована информация об этом событии.

Некоторые члены писательской организации присутствие В.В. Козлова на собрании СПС восприняли как измену. Всё дело в том, что членом СПС является Чубайс, с именем которого связаны перестройка и грабительская приватизация. Уже в то время партия, едва успев родиться, скомпрометировала себя. Практически за бесценок продавались крупнейшие предприятия страны. Многие иркутские писатели, так и оставшись приверженцами традиций социалистического образа жизни, категорически против Союза правых сил.

Аргумент, который выдвинули оппоненты, звучал так: В.В. Козлов нарушил Устав Иркутской писательской организации. Мало того, его обвинили ещё и в том, что он вступил в СПС, что на самом деле не соответствовало действительности. Уставом писательской организации её членам не запрещено вступать в какую-либо партию. Кстати, в организации есть представители почти всех движений, которые существуют в обществе: монархисты, коммунисты и даже... язычники. Возможно, что за последнее время это единственный случай преследования человека «по политическим убеждениям» в нарушение Конституции Российской Федерации.

На заседании Иркутской писательской организации 27 ноября в адрес главного редактора было высказано немало критики, реплики некоторых иркутских писателей выходили за все допустимые рамки. После четырёхчасового обсуждения были выдвинуты три кандидатуры на пост главного редактора: Евгения Суворова, Владимира Карнаухова и Василия Козлова. Большинством при тайном голосовании (всех посторонних, не являющихся членами писательской организации, попросили покинуть помещение) был выбран В. Козлов.

Очень жаль, что в наше время, когда культура находится в тяжелейшем положении, вместо того чтобы объединёнными усилиями, независимо от партийной принадлежности, встать на защиту культуры, писатели занимаются распрями внутри организации».

* * *

Добавлю некоторые проясняющие суть подробности. Председателем Писательской организации в то время был Ростислав Владимирович Филиппов, он был коммунистом и ярким противником свалившейся на нас американизации, он мог и не разбираться в моём «предательстве», а сразу принять сторону ратующих за вы-

несение приговора, но он был человеком мудрым, знающим цену газетному «демократическому» слову. Он переговорил с Бронштейном по телефону и прояснил, что произошло на самом деле. Виктор Владимирович сказал ему, что это он упротсил меня выступить и сказать о положении культуры. Мнение Филиппова было важным на собрании, да и настрой «революционеров» был весьма решительным. Кто-то позвонил Распутину, сообщил о происходящем, и Валентин прислал на имя председателя телеграмму: если собрание проголосует против Козлова, то я выйду из состава редколлегии «Сибири».

Замечу, что на каждом следующем писательском собрании кто-то обязательно поднимал вопрос о моем переизбрании.

* * *

Если стремиться выпускать добротный журнал, каким-то авторам придётся отказывать в публикации, а когда занимаешься этим десятилетия, то количество недовольных достигает критической массы, и периодически она выплёскивается в организованные и стихийные недовольства. Для иного автора бывает достаточно одного отрицательного мнения, чтобы редактор стал врагом на всю оставшуюся жизнь. Понимающий автор способен понять, что не может писать одинаково «гениально», что и у великих писателей, наверное, бывают творческие кризисы, но объяснить это не каждому возможно: уровень вкуса и таланта не позволяет объективно судить о своём произведении, как говорится, не ведает, что творит. И в этом начало конфликта с редактором, а если таких авторов набирается достаточно, то редактора переизбирают тайным голосованием, независимо от того, достойный он делал журнал или слабый.

Пока общий уровень литературного мастерства в писательской организации был высоким, пока были живы Н.С. Тендитник, А.В. Зверев, С.Б. Китайский, А.К. Горбунов, Р.В. Филиппов и другие, чей талант и авторитет признавался в организации, всегда в спорных ситуациях приходили к разумному решению. Я никогда не стремился в правление, в редакторство, в секретарство, а если выбирали, старался исполнять порученное или взятое на себя честно и старательно, насколько хватало умения и совести.

Пришло время, и я начал подумывать и поговаривать о том, что пора на покой. Но кому передать журнал? Были писатели, которые, по моему мнению, могли достойно продолжить сложившуюся традицию, но никто из них не хотел брать этот груз на свои плечи, а среди тех, кто стремился взять, я не видел достойных. Так мне тогда казалось.

* * *

На этом я решил поставить точку. Не потому, что нечего больше сказать, просто почувствовал логическое завершение того, о чём писал. Остались вне повествования многие события и имена — имена, достойные воспоминаний наших о их жизни и о их литературных судьбах. Я обязательно расскажу о них, если Бог даст сил и времени. Всё-таки почти тридцать лет редакторства — это многовато, и скажу для весёлого сравнения, даже в нашем уголовном праве максимальная мера наказания за одно преступление двадцать пять лет. Никто до меня не преодолел этот срок даже на треть, а что будет дальше — увидим. Как говорится, продолжение следует.